

RU

Некоторые аспекты полисуффиксального способа образования причастий в осетинском и персидском языках

Качмазова Е. С.

Аннотация. Цель исследования - определить особенности полисуффиксального способа образования осетинских и персидских причастий в сопоставительном аспекте. В работе особое внимание уделяется описанию и анализу позиций полисуффиксального способа образования причастий в указанных языках. Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении полисуффиксального способа образования причастий в осетинском и персидском языках в сопоставительном аспекте. В результате исследования выявлены способы полисуффиксального образования осетинских и персидских причастий в сопоставительном аспекте, сделаны выводы: осетинское причастие в рассмотренном аспекте имеет более активную систему, персидское же признается менее активным.

EN

Some Aspects of Polysuffixal Method of Participle Formation in the Ossetian and Persian Languages

Kachmazova E. S.

Abstract. The paper aims to identify the features of the polysuffixal method of participle formation in the Ossetian and Persian languages in the comparative aspect. The study pays significant attention to the description and analysis of the positions of the polysuffixal method of participle formation in the mentioned languages. The scientific originality of the research consists in its integrated consideration of the polysuffixal method of participle formation in the Ossetian and Persian languages in the comparative aspect. As a result, the methods of polysuffixal formation of Ossetian and Persian participles in the comparative aspect have been identified, the following conclusions have been made: Ossetian participles in the considered aspect have a more active system, while Persian participles are recognized as less active.

Введение

Актуальность темы: языковедческий интерес к исследуемой проблеме продиктован новыми условиями и предпосылками сегодняшнего дня. До сих пор заявленная проблема не рассматривалась ни в осетинском, ни в персидском, особенно в формате сопоставления, хотя оба языка относятся к иранской группе индоевропейской семьи. Именно это явление и подчеркивает исключительную актуальность исследуемой проблемы. В связи с этим возникает необходимость более глубокого теоретического и практического исследования некоторых аспектов полисуффиксального способа образования причастий осетинского и персидского языков в сопоставительном плане для освещения в научной литературе.

Для достижения цели исследования определяем следующие задачи: изучить теоретический и практический материалы по теме в осетинском и персидском языках, определить способы полисуффиксального образования осетинских причастий в сопоставлении с персидским, выявить их общие и отличительные характеристики для установления закономерных лингвистических выводов и новых научных теорий.

Методы исследования: для выполнения цели и решения поставленных задач в работе были использованы теоретико-описательный и сравнительно-сопоставительный методы некоторых аспектов полисуффиксального способа образования осетинских и персидских причастий.

Материалы исследования взяты из осетинской художественной литературы (Хет. Къ. / Хетагуров Коста, Бар. Г. / Бараков Гино), в качестве иллюстративных примеров отдельные ЛЕ с переводом на русский язык предложены автором (Е. С. Качмазовой).

Теоретической базой нашего исследования послужили работы известных ученых-лингвистов А. М. Шёгрена (1844), В. Ф. Миллера (1881), В. И. Абаева (1979), М. И. Исаева (1974), К. Е. Гагкаева (1952), Х. А. Таказова (1992),

И. М. Оранского (1988), В. С. Расторгуевой и Е. К. Молчановой (1981), С. Н. Соколова (1979) и др. Выявляя разные точки зрения по исследуемой проблеме, Н. К. Багаев (1965) избегает термина «причастие» и использует для причастий термины «отглагольные прилагательные» и «именные формы глагола» (с. 350- 356) только потому, что этот класс слов отвечает на вопрос *какой?* По характеристике Н. К. Багаева причастия вбирают в себя функции глагола и прилагательного. Причастия на **-инаг** также выделяются большинством ученых (В. И. Абаевым, М. И. Исаевым, Х. А. Таказовым), а форма на **-æггаг** – только Н. К. Багаевым (*именно как сложный суффикс*).

Практическая значимость: проблема сопоставления словообразования в указанных языках имеет существенное значение в теоретической, практической и педагогической деятельности. Результаты исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов, спецсеминаров по теоретическому, практическому, сравнительному анализу, также в процессе изучения отдельных дисциплин: «Общее языкознание», «Современный осетинский язык», «Введение в ирановедение» и др.

Основная часть

За основу научного исследования берем некоторые аспекты полисуффиксального способа образования причастий в осетинском и персидском языках в рамках их сопоставления. Лингвистический интерес к данному вопросу подсказывается тем, что оба языка относятся к иранской группе индоевропейской семьи языков.

Причастие в языке по праву считается самым распространенным глагольным именем, вбирающим в себя характер адъективации, субстантивации и адвербиализации. В таком формате оно встречается в основном в индоевропейских языках.

Обогащение функциональных возможностей и расширение семантического диапазона осетинские причастия приобретают благодаря моносуффиксальному и полисуффиксальному способам словообразования.

Опираясь на работы вышеуказанных известных учёных – осетиноведов, иранистов, хотелось бы рассмотреть более подробно случаи полисуффиксального способа образования причастий в упомянутых языках и уточнить их общие и отличительные черты.

Для этой процедуры прежде всего обратимся к истокам осетинского языкознания.

Причастия на -æггаг (очень часто с участием провербов): указанный суффикс **-æггаг** в образовании причастий в осетинском языке играет существенную роль. Причастия, образованные при помощи сложного суффикса **-æггаг** (æg(z)+ag) от основы настоящего времени глагола, употребляемые при именах существительных, обозначают признак предмета по производимому или произведённому (*с провербом*) действию: *æрцæуæггаг* бинонтæ – «приехавшая семья»; *æрбаскæфæггаг* ныхæстæ – букв: «принесённые / перехваченные / занесённые слова»; *ракурæггаг* æхца – «выпрошенные / попрошенные деньги»; *æрвитæггаг* ныхæстæ – «посылаемые слова»; *фæдæттæггаг / раттæггаг* лæвæрттæ – букв.: «подаренные (букв. «подарки»)»; *æрымысæггаг* хабар – «придуманная весть (дело / случай)» (Е. С. Качмазова) (здесь и далее примеры приводятся автором статьи. – Е. К.). Одиночные же подобные причастия с суффиксом **-æггаг** (употребляемые без имен существительных) выражают расширенное общее понятие предмета, получаемое от действия, которое выражается или воспроизводится причастием.

Приводимые ниже причастия без имен существительных, образуемые с **-æггаг**, выражают вообще то, что могло бы быть результатом определённого действия, выражаемого причастием. Сравним: *хæрæггаг* – все то, что могло бы быть результатом еды; *давæггаг* – результат воровства, *мысæггаг* – результат выдумки и др.

Указанный суффикс **-æггаг** Н. К. Багаевым (1965) рассматривается как: «Слова – прилагательные (напомним здесь, что он (Багаев) избегает термин «причастие. – Е. К.), образуемые при помощи этого суффикса, обозначают признаки предметов по произведённому действию, например: *курæггаг* дзаума – «прошенная вещь»; *байсæггаг* бæстæ – «завоёванная страна»; *æмбæлæггаг* нуазæн – «встречный бокал»; *æрвитæггаг* æхца – «посылаемые деньги»» (с. 198).

Осетинские причастия, образованные при помощи сложного суффикса **-æггаг**, обозначают признак предмета не только по «произведённому» действию, так как слова – причастия данной категории – носят в себе и постоянное качество, и признак постоянства: *хæссæггаг* ныхас – букв.: «носимая речь», *фæрсæггаг* æхца – «деньги от (для) гадания», *хæссæггаг* дзырд – «носимое / передаваемое слово», *курæггаг* ссад – «просимая мука» и т.д.

Суть данного утверждения изменится, если мы используем с этими же причастиями провербы, которые придают им вид совершенного (произведённого) действия: *æрба+хæссæггаг*, *æрба+рвитæггаг*, *ны+(ф)фыссæггаг* и т.д., зная, что от глаголов совершенного вида образуются причастия совершенного вида и от глаголов несовершенного вида – несовершенного вида причастия: *ракурæггаг* æхца – «попрошенные деньги»; *балхæнæггаг* фæткьуйтæ – «купленные яблоки»; *æрцæгъдæггаг* дыргътæ – «потрушенные фрукты»; *æрызгъæлæггаг* мæнæу – «осыпавшаяся пшеница»; *æрбахæссæггаг* ныхас – «принесённое слово»; *æрбакурæггаг* дзаума – «попрошенная вещь»; *æрбауайæггаг* нуазæн – «встречный бокал» (букв.: «бокал, предназначенный в связи с приходом») и мн. др.

Далее у Н. К. Багаева (1965): «Слова, образованные при помощи сложного суффикса **-æггаг**, представляют собой образование посредством суффикса **-аг** от глагольных имён на суффикс **-æг** (*æлхæнæг* – «покупающий», «покупатель»; *кураг* «просищий», «проситель»; *фыссæг* – «пишущий», «писатель» и т.д.)?» и ещё одна важная мысль: «Однако в современном осетинском языке **-æг** и **-аг** в них не осознаются как отдельные суффиксы. Этому способствует, очевидно, удвоение звука “г” перед суффиксом **-аг**» (с. 199).

Заметим по этому поводу то обстоятельство, что в современном осетинском языке данный сложный суффикс **-æггаг** действительно складывается из двух, ранее рассмотренных нами простых суффиксов **-æг** и **-аг**.

При этом суть здесь в том, что если в моносуффиксальных причастиях в качестве основы выступают глагольные корни-основы, то уже в полисуффиксальных образованиях в качестве основы обязательно выступают дериватемы причастия, представляющие как производящие основы (ср.: *(дзур + æг) + аг = дзурæггаг; хæр+(æг) + аг = хæрæггаг; зар+(æг) + аг = зарæггаг* и др.). И теперь в этом смысле как раз сомнительно приведённое выше утверждение Н. К. Багаева о том, что «в современном осетинском языке **-æг** и **-аг** не осознаются как отдельные суффиксы», и что этому способствует удвоение «г» перед суфф. **-аг**. Рядовые носители языка (не лингвисты) никогда не задаются вопросом о том, какова словообразовательная структура – морфология того или иного слова, но если бы мы от них вдруг потребовали решить эту проблему, то понятно, что если не во всех и даже не во многих случаях, то, по крайней мере, в ситуациях, подобных нашей, они бы вполне осознали, что, скажем, *давæггаг* «(у)краденное» образуется в два этапа: а) *дав(ын)* «красть, воровать» + **æг** = *давæг* – «ворующий, вор» и б) *давæг + аг = давæггаг* – «ворованное, краденное».

В этой ситуации в осетиноведении никого бы не смутило обстоятельство удвоения «г» перед **-аг**, ведь это вполне регулярное и живое фонетическое явление. Это же касается и образования следующих причастий: 1. *Паддзахгæнæггаг* кæйдæр цыхт хордта нæ гæды рувас – А сыр всё ела Кума-лисица... (Хет. Къ.). 2. *Æрбадавæггаг* ныхас æлгъыстæй уæлдай нæу – Принесённое (букв.: «то, что занесли») слово – проклятие (посл.). 3. *Хæрзæггуæггаг* дын цы авæрон, мæ гыццыл хур? – Что мне тебе дать в подарок (букв.: «просимое за добрую/хорошую (весть)»), моё маленькое солнышко? 4. *Куæггаг æмæ давæггаг æхцатæй бирæ нæ ахæсдзынæ* – Просимыми и ворованными деньгами долго не протянешь (посл.) и т.д.

Сложный суффикс от **-æг + -аг (æггаг)** одинаково часто образует слова – причастия как от простых глаголов, так и от сложных: *худын* – «смеяться» (*худæггаг*); *хæссын* – «носить, нести» (*хæссæггаг*); *фасын* – «расчёсывать» (*фасæггаг*); *бадын* – «сидеть» (*бадæггаг*); *æрвитын* – «посылать» (*æрвитæггаг*); *зарын* – «петь» (*зарæггаг*); *фыссын* – «писать» (*фыссæггаг*); *ахуыр кæнын* – «учиться» (*ахуыргæнæггаг*); *хæст кæнын* – «жаловаться» (*хæстгæнæггаг*); *цырд кæнын* – «торопиться» (*цырдгæнæггаг*); *хъæр кæнын* – «кричать» (*хъæргæнæггаг*); *ныв кæнын* – «рисовать» (*нывгæнæггаг*); *гом кæнын* – «открывать» (*гомгæнæггаг*); *цъæл кæнын* – «ломать» (*цъæлгæнæггаг*) и мн. др.

Осетинские превербы применительны и к сложным, и к простым причастиям. При этом такие причастия, помимо указанных признаков, в зависимости от ситуаций (контекста) могут выражать и признак предназначенности действия: *фæрсæггаг æхцатæ* – деньги за гадание, *æмбæлæггаг нуазæн* – бокал, данный за приход (появление) и мн. др.

Причастия на -æццаг и -иццаг. Непродуктивные суффиксы **-(æ)ццаг** и **-иццаг** в осетинском языке образуют причастия исключительно редко, да и в образовании других частей речи малоэффективны. Они также обозначают признак предмета по действию. Вероятно, данные образования построены в два этапа: а) *бæллын* «желать», «хотеть» + **-иц** = *бæллиц* «желание, мечта», б) *бæллиц + -аг* = *бæллиццаг* «желаемое»; а) *цæрын* «жить» + **æц** = *цæрæц*, б) *цæрæц + -аг* = *цæрæццаг* «тот, кому суждено жить» и др.

Сравним ещё такие аналогичные слова: *кæлæддзаг* «то, что находится в состоянии немедленного падения»; *мæлæтдзаг* «смертельный, тот, кто находится в смертельном состоянии» (последние два примера см. в: (Абаев, 1979, с. 302)).

Примечательно в данной ситуации, что суффикс **-æццаг** на современном этапе развития осетинского языка не поддаётся разбиению на два суффикса – на **-æц** и **-аг**. У В. И. Абаева (1979) читаем: «Суффикс **-æццаг** в этимологии слова *цæрæццаг*: от *цæрын* “жить” с помощью не вполне ясного суффикса **-æццаг**» (с. 302).

Отдавая себе отчёт в том, что наши следующие версии могут оказаться в той или иной мере рискованными, мы всё же попытаемся изложить их. *Первая версия* такова, что, возможно, сегмент **-æц** в суффиксе **-æццаг** восходит к суффиксу прошедшего причастия **-д (т)** (ср.: *цæрын + д = цард*, *мæлын < марын + д = мард*, *кæлын / калын + д = кæлд (калд)*, к которому прибавляется суффикс **-аг**). При этом происходят соответствующие морфонологические процессы: *цард + аг = цæрæт(с) аг = цæрæццаг*; *мард + аг = мæл(æ)т(с)аг = мæлæц(ц)аг*; *кæлд / калд + аг = кæлт(с) + аг = кæлæц(ц)аг*.

Вторая версия: суффикс **-аг** прибавляется к форме 3-го лица, единственного числа, повелительного наклонения, т.е. к **-æд**, где **-д** есть вариант «полисемантического элемента» (Таказов, 1992, с. 16), которая сама присоединяется к основе (корню) настоящего времени (Таказов, 1992, с. 28) (ср.: *цæр + æд = цæрæд*; *мæл + æд = мæлæд*, *кæл + æд = кæлæд* и т.д.).

В таком случае, *цæрæд + аг = цæрæт(с)аг = цæрæццаг* с учётом грамматического знания суффикса **-аг** (постоянный признак) буквально может означать: наделённый постоянным признаком – «пусть живёт», как пожеланием, что, естественно, не так далеко отстаёт от значения: «тот, кому суждено жить» (ср.: по той же схеме и другие примеры).

Трудно сказать, какая из двух версий предпочтительней. В этой ситуации уместно привести этимологию слова *байзæддаг* «потомство» по В. И. Абаеву (1979): «...образовано от причастия *байзад* с помощью суффикса **-аг**» (ср.: его же аналогично: *амæттаг* «жертва») (с. 232), что поддерживает нашу первую версию.

Причастия на -æгой. Наряду с причастиями настоящего времени с суффиксом **-æг**, выделяются и некоторые причастия с **-æг**, к которым прибавляется ещё и суффикс **-ой** и которые сохраняются при этом, как причастия: *уарзын* – «любить» – *уарзæг* – «любящий» – *уарзæгой* – «любящий»; *хъазын* – «играть» – *хъазæг* – «играющий» – *хъазæгой* «играющий» («любитель играть, шутить»); *сайын* – «обманывать» – *сайæг* – «обманывающий» («обманщик») – *сайæгой* – «обманщик» («любитель обманывать»); *худын* – «смеяться» – *худæг* «смешной», «смеющийся» – *худæгой* – «смешной» (любитель посмеяться) и т.д.

В предложениях их смысловая нагрузка увеличивается: 1. Куырда бар, цамаей аруагътаид йæ зæронд сæр чызджы уарзæгой зæрдæйыл. / Просил разрешения, чтобы склонил, (положил) свою старую голову на любящее девичье сердце (Бар. Г.). 2. Ахæм хъазæгой митæ адæмы зæрдæмæ ссардтой фæндаг. / Такие смешливые (увеселительные) действия нашли путь к людским сердцам.

Подчеркнём, что суффикс **-ой** придаёт причастиям оттенок некоторого постоянства признака предмета по его действию. Этим формам синонимичны причастия на **-аг**, но в отличие от первых менее применимы (частотны) и образуются не от всех глаголов (в данном случае речь идёт о прибавлении суффикса **-ой** к причастиям настоящего времени с **-æг**).

Отметим и то, что если причастия настоящего времени с суффиксом **-æг** показывают действителя, т.е. того, кто совершает действие, например: *кафæг* (лæппу) – «танцующий мальчик» (тот, кто танцует); *дзурæг* (лæг) – «говорящий человек» (тот, кто любит говорить); *цæуæг* (адæймаг) – «идущий человек» (тот, кто идёт), то после прибавления к ним превербов эти причастия начинают носить характер совершенного действия, прошедшего времени: *акафæг* (лæппу) – станцующий (мальчик); *æрцæуæг* (адæймаг) – пришедший (человек); *ныххудæг* (сывæллон) – засмеявшийся (ребенок) и т.д.

Вот что о причастиях с суффиксом **-æг** пишет Н. К. Багаев (1965): «В значении имён прилагательных отглагольные имена на **-æг** соответствуют причастию действительного залога настоящего времени русского языка, обозначают признак действующего лица или предмета по производимому им действию, процессу, например: *кусæг* лæг – «работающий человек»; *дзурæг* адæймаг – «говорящий человек»; *цæрæг* адæймаг – «живущий человек»; *æнхæлмæ кæсæг* сывæллон – «ожидающий (ждущий) ребенок» и т.д. (с. 351-352).

Следует отметить, что малопродуктивный суффикс **-ой** образует причастия, сочетаясь с суффиксом **-æг**, причастия настоящего времени: *уарзæг* – «любящий» и *уарзæгой* – «любитель любить»; *сайæг* – «обманывающий» и *сайæгой* – «обманывающий», «любитель обманывать»; *худæг* – «смешной», «смешливый» и *худæгой* – «смешливый», «любитель смеяться»; *смудæг* – «нюхающий» и *смудæгой* – «любитель нюхать что-либо»; *кусæг* – «работающий», «рабочий» и *кусæгой* – любитель работать», «работяга»; *дзурæг* – «говорящий» и *дзурæгой* – «говорливый», «болтун», «любитель говорить»; *æппæлæг* – хвастающий» и *æппæлæгой* – «хвастливый», «хвастун»; реже такое образование на **-ой** от сложных глаголов: *хыл кæнын* – «драться», «ругаться» и *хылæгой* – «драчун», «любитель драться», «драчливый», причём в последнем примере форма «*хылæг*» без суффикса **-ой** невозможна.

Если в причастиях, образованных от основы настоящего времени глагола при помощи суффикса **-æг** сохраняется действие в настоящем времени, то с прибавлением к таким словам-причастиям суффикса **-ой** слова приобретают признак постоянного качества действия. Остаются ли такие слова причастиями или субстантивируются, решает только контекст.

Причастия на -ынцъаг / -ынцъæг, -ындзæг. Названные модели словообразования причастий весьма непродуктивны в осетинском языке. Так на **-ынцъаг**: *бырынцъаг* (фæндаг) – «скользящая» (дорога); *мизынцъаг* (тæф) – «(запах) мочевины»; на **-ындзæг**: *кæуындзæг* (хъæлæс) – «плачущий, плаксивый (голос)»; *омындзæг* (хуыз) – «рвота (состояние, вид)».

Причастия указанных моделей обозначают либо признак по действию, либо лексикализованность этого признака, но уже без определяемого слова.

Представляется интересным вопрос структуры указанных суффиксов. Во-первых, с точки зрения современного состояния языка, здесь трудно говорить о выделении отмеченных суффиксов, поскольку у них есть общий элемент **-ын**, совпадающий с инфинитивом на **-ын**, тогда, похоже, что выше речь идет не о суффиксах **-ынцъаг / -ынцъæг, -ындзæг**, а о суффиксах **-цъаг / -цъæг, -дзæг**. И если это действительно так, то следует отметить уникальность модели, поскольку это единственный случай, когда суффикс присоединяется не к глагольному корню (основе настоящего времени), а к инфинитиву на **-ын**.

Но мы всё же склонны думать, что перед нами всё-таки сложные суффиксы (в синхронном плане), и указанные причастия образовались путём прибавления к глагольному корню (основе настоящего времени) сначала суффикса **-ын**, а затем уже к этому образованию присоединились суффиксы **-цъаг / -цъæг, -дзæг**.

Причастия на -д, -дзаг. Суффикс **-дзаг** образует новые причастия от причастий, произошедших от основы прошедшего времени глагола при помощи суффикса **-д**: *калд* + **-дзаг** (*кæлæддзаг* – «ветхий, разрушенный»); *хæлд* + **-дзаг** (*хæлæддзаг* – аналогично «*кæлæддзаг*»); *хауд* + **-дзаг** (*хæуддзаг* – «то, что осталось, что не годится»); *мард* + **-дзаг** (*мæрддзаг* – «вещи, предназначенные для покойника»); *уад* + **-дзаг** (*уаддзаг* – «то, что отрезали, оставили»).

Отмеченное полисуффиксальное явление в современном осетинском языке малопродуктивно, но не исключается из употребления как в устной речи, так и в письменной.

Причастия, образованные вышеуказанным способом, показывают признак по производимому (с превербом) или производимому действию. Примеры, приведённые здесь, выполняют функцию определения, показывая при этом признак производимого действия с *определённой предназначенностью*.

Такова краткая характеристика основных нюансов полисуффиксального способа образования осетинских причастий в современном его состоянии и рассмотрении, что же касается персидского языка, рассмотрим ниже.

Итак, древний языковой период представлен, как известно, Авестой – древнеперсидским и скифским языками. Зная, что скифский является наиболее близким предком осетинского языка, по проблеме причастия всё же разумнее обратиться к Авесте, поскольку в скифоведении трудно найти сколь-нибудь серьёзных сведений по исследуемой проблеме.

Используя сюжет Авесты, мы увидим продолжение линии активных индоевропейских причастий от основы презенса и аориста при помощи суффикса **-nt*, **-ont* (Соколов, 1979, с. 227-228).

Медиальные же причастия на **-mna* и **-ana* как презенса, так и перфекта (Соколов, 1979, с. 229) продолжают линию санскрита.

В Авесте нас могут заинтересовать причастия будущего времени и пассивные причастия перфекта, продолжающие линию индоевропейского языка.

В самом деле, как пишет С. Н. Соколов (1979): «В причастии сохраняются специальные значения исходной глагольной основы. Так, от основ на **-sya* причастие имеет значение будущего времени» (с. 228), потому что «корень + (*sya*) - выражает будущее время» (с. 211), «корень же с удвоением + (*-sa*) имеет дезидеративное значение» (с. 211). Заметим сразу же, что осетинские причастия на *-инаг* в действительности образуются не от *-инаг*, а от корня + (*с*) *ин* + *аг*; ср. у Н. К. Багаева (1965): «*инаг* (из *ы-й-н-аг*)» (с. 350), у А. Шёгрена: «корень (или причастие прошедшего времени) + *суинаг* «будущее» (Шёргрен, 1844, с. 193) имеет значение и будущего времени, и дезидеративного характера.

Далее у С. Н. Соколова читаем: «Пассивными причастиями перфекта называют обычно отглагольные прилагательные с суффиксом **-ta*. Образуются непосредственно от корня */sap-ta/*, */sup-ta/* “следовать”, причастие */hak-ta/*. Это причастие употреблялось в описательных конструкциях, которые легли в основу парадигм прошедшего времени в новоиранских языках. Соотношение переходность-пассив: непереходность-актив сохранилось в производном от этого имени так называемом “причастии прошедшего времени” в новоперсидском языке (*gufta* – “сказанное”, *zafta* – “ушедший”)» (Расторгуева, Молчанова, 1981, с. 229). Всё отмеченное полностью касается и современного осетинского языка.

В Авесте также представлены были причастные формы на **-ya*, **-tva*, **-gva*, **-ata* (Соколов, 1979, с. 229-230).

Касательно древнеперсидского языка отметим, что, по мнению Соколова (1979, с. 265-266), он почти также продолжает общеиндоевропейскую линию, санскрит. Имеет активные причастия на **-nt* и медиальные причастия на **-mn*, также и причастия на **-ta*.

Значит, «характерным признаком всех древнеиранских языков является развитая система флексий, пронизывающая весь грамматический строй. Однако уже в древнеиранскую языковую эпоху начинается процесс постоянного ослабления флексий. Стоящие в конце слова грамматические окончания (падежные, родовые и т.д.) постепенно редуцируются и отмирают, что влечёт за собой постепенный распад и разложение древней флективной системы» (Оранский, 1988, с. 144).

Как известно, среднеиранская языковая эпоха представляет собой гибкий переходный этап от древнеиранских к новоиранским языкам.

Так, например, «среднеиранский язык... уже в сильной степени отошёл от своего древнеиранского прототипа... В морфологии он (язык) подвергся коренной перестройке: полностью элиминирована категория рода, распалась система склонения, преобразована система спряжения глагола с заменой древних флективных форм прошедших времён новыми, аналитическими, образовавшимися на базе причастия прошедшего времени на **-ta*» (Расторгуева, Молчанова, 1981, с. 7).

И всё же, несмотря на отмеченное, можно предположить, что в любом случае, система причастных форм не поддалась кардинальным изменениям, трансформациям. Более того, как это видно было из приведённого: отдельные её формы (это касается не только среднеперсидского языка) «внедрялись» в систему спряжения. Система глагола не так сильно изменилась, если она ещё во многом предстаёт вполне понятной.

Слова крупнейшего ираниста В. И. Абаева (1949), сказанные им в статье «К характеристике современного осетинского языка» вполне поучительны: «Переходя от имени к глаголу, от склонения к спряжению, мы попадаем в другой языковой мир, флективный, “индоевропейский”. Если в склонении мы видим коренную ломку древнеиранской системы, то в спряжении почти любая форма рождает иранские реминисценции» (с. 102).

К рассмотрению представим причастные формы в среднеиранский период.

Среднеперсидский язык имел следующие причастия: «Общеиранские пассивные причастия перфекта на **-ta* в среднеперсидском генерализовались в качестве основы прошедшего времени... Непредикативное использование их в среднеперсидском редко» (Расторгуева, Молчанова, 1981, с. 129). Причастие прошедшего времени с суффиксом **-ag* (*-к*, *ман*, *-g*) – исторически пассивное причастие перфекта на **-ta*, расширенное суффиксом **-aka*, в сильной степени адъективируется или субстантивируется (Расторгуева, Молчанова, 1981, с. 129).

Приведем здесь аналогичные осетинские примеры: *мæрддзаг* «предназначенный для покойника», букв.: «для смерти»; *мæрддаг* «подобный смерти»; *кæлддзаг* «готовый разрушиться»; *хæлддзаг* «неисправный» и т.д., которые построены также по модели: причастие прошедшего времени на *-т* (кусын «работать» – *куыс+т*), *-д* (цауын «идти» – *цы+д*) (общеир. **-ta*) + *-аг*.

Причастие настоящего времени с суффиксом **-an* от основы настоящего времени (общеиран. медиальное причастие на **-ana*, ав. **-mar*, **-hano* «думающий» (Расторгуева, Молчанова, 1981, с. 129).

Заключение

Итак, опираясь на поставленную цель и задачи исследования, изучив теоретический и практический материалы по теме, определив способы полисуффиксального образования осетинских причастий в сопоставлении с персидским, сделаем следующие выводы: определены и комплексно рассмотрены особенности

полисуффиксального способа образования осетинских и персидских причастий в сопоставительном аспекте, выявлены их общие и отличительные характеристики; описаны и проанализированы возможные позиции полисуффиксального способа образования причастий в указанных языках, доказано, что большинству причастных форм в персидском языке можно найти параллели в осетинском, что в отличие от осетинского языка полисуффиксальный способ образования персидских причастий признается неактивным.

Перспективы дальнейшего исследования заключены в продолжении более углубленного исследования заявленной темы с целью установления новых закономерных лингвистических и научных теорий.

Финансирование | Funding

RU Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ННФИ в рамках научного проекта № 20-512-56001.

EN The reported study was funded by the RFBR and the INSF according to research project № 20-512-56001.

Источники | References

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4-х т. Л., 1979. Т. III.
2. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М. - Л., 1949. Т. I.
3. Багаев Н. К. Современный осетинский язык: в 2-х ч. Орджоникидзе, 1965. Ч. 1. Фонетика и морфология.
4. Гагкаев К. Е. Очерк грамматики осетинского языка. Дзæуджыхъæу: 1952.
5. Исаев М. И. Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе, 1974.
6. Миллер В. Ф. Осетинские этюды: в 3-х ч. М., 1881. Ч. 2.
7. Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1988.
8. Расторгуева В. С., Молчанова Е. К. Парфянский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.
9. Соколов С. Н. Древнеиранский язык // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
10. Таказов Х. А. Категория глагола в современном осетинском языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 1992.
11. Шёгрэн А. М. Осетинская грамматика. СПб., 1844.

Информация об авторах | Author information

RU Качмазова Езетхан Сергеевна¹, к. филол. н., доц.
¹ Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ

EN Kachmazova Ezetkhan Sergeevna¹, PhD
¹ North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz

¹ darya.kachmazova@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.10.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): персидский язык; осетинский язык; полисуффиксальный способ; именные части речи; функциональность причастий; Persian language; Ossetian language; polysuffixal method; nominal parts of speech; functionality of participles.